

УДК 94(9):327(9)

© В. Н. Тимошенко, 2011

«ДОКТРИНА ДЖ. ГОВАРДА» И МИРОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АВСТРАЛИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Тимошенко В. Н. – канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой «Всеобщая история», тел. 42-06-37, e-mail: valery@khsru.ru (ДВГГУ)

Крушение биполярного мира и ухудшение экономического положения Австралии подталкивало страну к более тесному военно-политическому сотрудничеству со странами АТР. Но азиатский кризис 1998 г. вновь изменил вектор внешней политики Австралии. Коалиционное правительство Дж. Ховарда постепенно стало возвращаться к традиционным ориентирам в вопросах безопасности страны. В центре новой политики был поставлен союз с США как главного гаранта региональной и мировой стабильности. Следуя «Доктрине Ховарда», суть которой сводилась к готовности Австралии выполнять функции «американского шерифа» в регионе, страна взяла на себя право обеспечения региональной безопасности, включая проведения миротворческих операций в АТР.

Collapse of the bipolar world and deterioration of an economic situation of Australia pushed the country to a closer military-political cooperation with countries of the Asia-Pacific region. However, the Asian crisis of 1998 changed a vector of foreign policy of Australia again. A coalition government of J. Howard has gradually returned to traditional reference points in security issues of the country. A union with the USA, as a main guarantor of regional and world stability, has been put in the center of a new policy. Following "Howard Doctrine" which essence was reduced to readiness of Australia to carry out a function of "An American sheriff" in the region, Australia has incurred the right of maintenance of regional security, including carrying out "peacekeeping" operations in the Asia-Pacific region.

Ключевые слова: «доктрина Говарда», «азиатский кризис», миротворческие операции, Восточный Тимор, остров Бугенвиль.

В марте 1996 г. в Австралии к власти приходит коалиция Либеральной и Национальной партии во главе с Джоном Уинстоном Ховардом, которая поставила под сомнение правильность проводимой предшественниками внешней политики. Правительство Ховарда приветствовало любые шаги, направ-

ленные на усиление американского присутствия в регионе. В этом случае появлялась возможность, по выражению политолога М. Бхатиа, «отдохнуть от азиатских проблем, пока американцы в городе» [1]. Тем более, что по соглашению предусматривалось также проведение целой серии военных учений на территории Австралии с участием почти семнадцати тысяч американских военнослужащих. Дж. Ховард с удовлетворением отмечал, что с подписанием нового соглашения у австралийцев отпала необходимость «выбирать между нашей историей и нашим географическим положением» [2]. Отныне роль страны в системе безопасности определялась как «служба в качестве “южного якоря” американского присутствия в Азиатско-тихоокеанском регионе».

Вторая половина 1997 г. и весь 1998 г. ознаменовался драматическими изменениями в окружающем Австралию экономическом и политическом пространстве. В Азиатско-тихоокеанском регионе разразился экономический кризис, сказавшийся и на политической обстановке в регионе. В Индонезии кризис привел к свержению режима Сухарто, в Малайзии возник конфликт между премьер-министром и его заместителем, приведший к массовым уличным беспорядкам. Рост ксенофобии в Южной Корее, массовая высылка иммигрантов из Малайзии, погромы китайского населения и всплеск исламского фундаментализма в Индонезии также явились следствием кризиса. Прошедший в Маниле в июле 1998 г. Азиатский региональный форум констатировал, что сложившаяся ситуация создала реальную угрозу безопасности во всем регионе.

Азиатский экономический кризис поставил под сомнение многие жизненно важные для Австралии утверждения относительно экономической и политической ситуации в регионе. Стало очевидным, что прежние заявления специалистов о региональной стабильности не соответствовали действительности. Широко разрекламированная «азиатская экономическая модель» в реальности представляла собой «смесь капитализма с коррупцией и финансовой некомпетентностью, основанной на иностранных инвестициях и экспортно-ориентированной экономике в государствах авторитарного типа». «Азиатская демократия», основанная на конфуцианских и исламских ценностях, подверглась критике за триадизм, кумовство и элитарную систему власти, которые способствуют народному недовольству и легко могут привести к политической нестабильности, демонстрациям, восстаниям и даже революциям.

Большую тревогу у австралийской общественности вызвал рост национализма и религиозного экстремизма в регионе. История показывает, что национализм, как правило, возлагает ответственность за собственные внутренние неудачи на некие внешние силы. Поиск внешнего врага – обычная практика националистов. Руководитель Центра стратегических и оборонных исследований П. Дибб в связи с этим отмечал, что в случае экономического кризиса «...национальные лидеры начинают искать “козлов отпущения”, чтобы поддержать собственную ослабленную позицию» [3]. Австралия с ее

колониальным прошлым и широким присутствием в регионе в настоящем вполне могла претендовать на роль такого «козла отпущения».

Вполне объяснимо, что столь негативная оценка причин и последствий азиатского экономического кризиса привела к изменению отношения австралийского общественного мнения к политике страны, проводимой в последние годы в регионе. Курс на «вхождение в Азию» и лозунги вроде «Австралия – часть Азии» уже не находили поддержки у большинства австралийцев. В обществе вновь возникли дебаты относительно национальной идентичности австралийцев и места Австралии в мировой системе. Усилились расистские и антииммигрантские настроения. Большинство австралийцев находилось под влиянием в первую очередь расовых, исторических и культурных факторов, а не географии и национальных интересов. Это еще раз подтвердил конституционный референдум по вопросу о республике 1999 г., где большинство австралийцев высказали свою лояльность «великой старушке-матери» английской королеве и «дяде Сэму», подтвердив «старую фундаментальную особенность австралийской внешней и оборонной политики опираться на далекого большого и мощного друга».

Удачный выход Австралии из кризиса, сохранение страной высоких темпов роста временно даже породили среди австралийской правящей элиты некое чувство превосходства над своими азиатскими соседями. Правительство Ховарда в назидательном тоне стало демонстрировать великодушие и благородство своей страны, оказавшей азиатским странам существенную экономическую помощь. Действительно, Австралия участвовала во всех трех программах Международного валютного фонда (МВФ) по кредитованию Таиланда, Южной Кореи и Индонезии, она пошла на отсрочку платежей по индонезийским долгам, лоббировала смягчение условий предоставления кредитов азиатским странам, неизменно подчеркивая при этом, что истинный друг познается в беде. Дж. Ховард, демонстрируя свое отмежевание от политики Эванса-Китинга, заявлял, что благополучноехождение Австралии через кризис сделало утверждение о зависимости страны от Азии устаревшим, неуместным и ошибочным. Австралия перестала быть для Азии «попрошайкой, выпрашивающей внимания и признания, а стала искренним близким партнером и региональным другом» [4].

Стремление правящих кругов Австралии по-новому определить роль и место страны в регионе и мире привело к появлению так называемой «Доктрины Ховарда». В журнале «Бюллетень» от 28 сентября 1999 г. было опубликовано интервью с Дж. Ховардом, в котором он заявил о новой роли Австралии. Страна должна стать «помощником шерифа», под которым подразумевались Соединенные Штаты Америки, для всего Азиатско-тихоокеанского региона [5]. Хотя Дж. Ховард впоследствии отрицал приписываемые ему слова, большинство аналитиков не сомневались, что в интервью была изложена точка зрения австралийского правительства на будущую модель австралийской внешней политики.

Последующие внешнеполитические шаги австралийского правительства говорили о начале реализации «доктрины Ховарда». В первую очередь Австралия отказалась от главного принципа регионального сотрудничества, установленного в АСЕАН, согласно которому не допускалось вмешательство во внутренние дела соседей. Наиболее наглядно новые подходы австралийской внешней политики были продемонстрированы в период кризиса вокруг индонезийской провинции Восточный Тимор. Еще в 1976 г. эта бывшая португальская колония была оккупирована индонезийской армией и включена в состав Индонезии. Сделано это было с благословения Соединенных Штатов Америки, видевших в режиме Сухарто оплот борьбы с коммунизмом в регионе. Австралия тогда не только поддержала индонезийскую позицию, но и оказалась практически единственным государством Запада, которое признало Восточный Тимор индонезийской территорией. Кроме того, в 1989 г. был подписан австралийско-индонезийский договор о разделе континентального шельфа, принадлежавшего Восточному Тимору, и создана так называемая «Тиморская зона» для совместного освоения богатых нефтегазовых месторождений. Ситуацию осложняло только возникшее на острове движение сопротивления во главе с Революционным фронтом освобождения Восточного Тимора (ФРЕТИЛИН). Партизанское движение в Восточном Тиморе особенно усилилось после экономического кризиса 1998 г. и падения режима Сухарто. Организация Объединенных Наций при поддержке США стала требовать пересмотра статуса Восточного Тимора и проведения на острове референдума по вопросу о его будущем статусе.

Австралийская позиция по Восточному Тимору также стала меняться. С 1998 г. в заявлениях Министерства иностранных дел Австралии постоянно упоминалась необходимость пересмотра статуса острова. В декабре 1998 г. Дж. Ховард направил личное послание президенту Индонезии Хабиби, в котором предлагал провести референдум по вопросу о статусе провинции [6]. Более того, Австралия выразила готовность предоставить свои вооруженные силы для проведения на острове миротворческой операции в нарушение достигнутых ранее соглашений с Индонезией о признании границ и невмешательстве во внутренние дела.

Очевидно, что политика Австралии в Восточном Тиморе полностью соответствовала «Доктрине Ховарда» и являлась попыткой закрепить за собой лидерство в региональных отношениях с помощью новых методов, не исключающих применение силы, при соответствующей поддержке США. Кроме того, будущее правительство Восточного Тимора в экономическом, политическом и военном отношениях полностью оказалось бы зависимым от Австралии, а Индонезия со слабым правительством и деморализованной после антимилитаристских студенческих выступлений армией вряд ли пошла бы на военную конфронтацию с Австралией, США и ООН.

В конце 1999 г. согласно резолюции Совета Безопасности ООН № 1243 на Восточный Тимор стали прибывать первые подразделения Международных сил для Восточного Тимора (ИНТЕРФЕТ). Вопреки позиции Индонезии,

выступившей против участия Австралии в этих силах, австралийские подразделения составили более половины всего многонационального контингента ООН (55000 человек). Более того, во главе Международных сил был поставлен австралийский генерал П. Косгроув. К операции также были подключены австралийские военно-морские и военно-воздушные силы. Помимо военных расходов Австралия обязалась предоставить Восточному Тимору экономическую помощь на сумму \$ 48,8 млн. [7].

Позиция Австралии по Восточному Тимору вызвала негативную реакцию в большинстве стран Юго-Восточной Азии, опасавшихся повторения подобных «гуманитарных интервенций» на территории собственных стран. Премьер-министр Малайзии М. Махатхир, резко критикуя австралийскую политику, заявил: «Австралия уже заговорила, что она – азиатский помощник американского полицейского. Это нескрываемое высокомерие. Когда австралийцы претендуют на то, чтобы быть азиатами, это значит – они хотят господствовать в Азии» [8].

Резко ухудшились австралийско-индонезийские отношения. Индонезия рассматривала политику своего южного соседа как неожиданный удар в спину, нанесенный, казалось бы, старым и проверенным партнером. Она обвинила австралийское правительство в поощрении сепаратистских тенденций в других индонезийских провинциях, опасаясь повторения тиморского варианта в других частях страны. Индонезия также разорвала договор о безопасности и рекомендовала своим предпринимателям переориентироваться с Австралии на поставщиков из других стран.

Действия на Восточном Тиморе были не единственным случаем участия австралийских вооруженных сил в миротворческих операциях в регионе. Главной болью для австралийских политиков стали события на острове Бугенвиль, входившем в состав бывшей австралийской колонии Папуа – Новая Гвинея. В 1989 г. на острове местное население подняло восстание против хищнической эксплуатации природных богатств иностранными компаниями (главное богатство острова – крупные залежи меди, содержащие золото и серебро). В апреле 1998 г. многолетняя партизанская борьба закончилась подписанием соглашения между правительством ПНГ и повстанцами о прекращении огня. Австралия послала в качестве наблюдателей персонал из 240 человек. Однако часть повстанцев отказалась признавать соглашение, и пригрозила открывать огонь на поражение, если в контролируемой ими зоне появятся австралийские наблюдатели [9]. Схожие проблемы имели место и в ряде провинций Соломоновых островов. Как отмечают обозреватели, миротворчество обходится Австралии слишком дорого. Только на поддержание мира в Бугенвиле в 1999 г. было израсходовано \$ 24 млн. [10].

Миротворческие операции на Восточном Тиморе явились крупнейшим событием не только последнего десятилетия, но и вообще в австралийской истории. Они свидетельствовали о воплощении в жизнь новой австралийской внешней политики. Австралия приняла активное участие в операциях США в Афганистане и Ираке, проводила жесткую антииммиграционную политику,

даже угрожала соседним государствам военными акциями в случае террористической опасности. Роль «американского шерифа» постепенно приобретает не региональный, а всемирный характер.

Библиографические ссылки

1. *Bhatia M.* Advance and Retreat: The Domestic Sources of Australia's Foreign Policy Turmoil // *Pacific Focus*. – Vol. XIII. – № 1 (Spring 1998). – Inhon, Korea,
2. *Ibid.*
3. *Dibb P.* The End of Asian Miracle? Will the Current Economic Crisis Lead to Political and Social Instability? / Australia National University, Strategy and Defence Study Center Newsletter, Spring 1997/summer 1998. Интернет-ресурс: <http://ausCSCAP.anu.edu.au>
4. *Garry Smith.* Perspectives on Australian Foreign policy, 1998 // *Australian Journal of International affairs*. – Vol. 53. – № 2. – 1999.
5. *Cavan Hogue.* Perspectives on Australian Foreign policy, 1999 // *Australian Journal of International affairs*. – Vol. 54. – № 2. – 2000.
6. *Age*, 16 November 1998.
7. *Australian government.* Department of Foreign Affairs and Trade. Annual Report. 1998–1999. Интернет-ресурс: www.dfat.gov.au
8. *Полхов С. А.* «Восточный Тимор в контексте американо-австралийских отношений» // США и Канада. Экономика. Политика. Культура. – № 1. – 2003.
9. *Восточный Тимор и внешнеполитический курс Австралии* / Народ. Ру. Интернет-ресурс: <http://political.narod.ru//ARCHIVE/timor.html>